

Глава 85. Суд Круглого стола

Ли Цзяньчуань внимательно изучал Комона.

Пройдя через два предыдущих испытания, он уже начал догадываться об истинной природе «Суда Круглого стола», а потому с особым интересом присматривался к персонажам, связанным с законом: полицейским, детективам или адвокатам.

На вид Комону было чуть за сорок. Смуглый, с вытянутым лицом и густой, аккуратно подстриженной бородой, он воплощал в себе все черты классического сыщика-джентльмена: безупречная одежда, строгая выправка и монокль, за стеклом которого скрывался острый, почти ястребиный взор, способный, казалось, видеть людей насквозь.

Прикидывая, в каких отношениях состояли детектив и прежний Лос, Ли небрежно обронил:

— Вы полагаете, господин Комон, что смерть мисс Ил не была случайностью?

Стоило фразе сорваться с губ, как он заметил, что брови старого дворецкого едва заметно дрогнули. Садовник же никак не отреагировал на его слова, лишь в глубине его глаз отразилось легкое недоумение.

Детектив ничуть не удивился вопросу. Он иронично пожал плечами и усмехнулся:

— Я никогда не верил в столь своевременные несчастные случаи, прокурор Лос.

По поведению собеседника Ли понял: тому известно нечто важное. У него даже закралось подозрение, что именно Комон приходил к Лосу прошлой ночью — из всех присутствующих только этот человек курил сигары. Однако сейчас сыщик вел себя так, будто они едва знакомы; к тому же визит к коллеге в темноте при неработающем электричестве выглядел бы странно.

— Считаете, это убийство? — прощупывал почву Ли.

Взгляд Комона оставался холодным и пронизательным:

— Пока рано делать выводы, дружище. То, что в пакете для плодов нашелся женский волос, еще ничего не доказывает, даже если он принадлежал мисс Ил. Вы ведь читали заключение врача: мисс Ил действительно захлебнулась после сердечного приступа. К тому же наш добрый садовник не видел никого подозрительного, и у него есть весьма убедительное алиби.

Сыщик перевел взгляд на рабочего. На безыскусном лице того тут же проступило волнение:

— Прошу вас, господа, поверьте мне! Позавчера, как только в десять вечера начался ливень, я без усталости перетаскивал горшки в дом. Это редчайшие сорта из коллекции госпожи, за ними нужен особый уход... Я закончил только к двум часам ночи.

Ли ловил каждое слово, сохраняя при этом вид праздного слушателя:

— А что вы делали после двух?

Садовник открыл было рот, но дворецкий опередил его:

— Он промок до нитки, а чистой смены одежды в его камерке не нашлось. Он пришел за вещами в комнату для прислуги на первом этаже, и я велел ему оставаться там до утра, он больше никуда не выходил.

— Всё именно так, господин Лос, — поспешно закивал садовник.

Ли интуитивно чувствовал фальшь, но, не обладая навыками профессионального ищейки, никак не мог ухватить ускользающую нить.

— Алиби садовника подтверждено, а остальные в такой ливень тоже не покидали дом, — Комон выпустил густое облако дыма. — Если это убийство, то у нас нет ни единого доказательства. И всё же, дружище, меня терзает один вопрос: что заставило мисс Ил выйти к реке в такую погоду? И отчего на самом деле остановилось ее сердце перед тем, как она упала в воду?

Сыщик насмешливо вскинул бровь:

— Ни следов борьбы, ни признаков того, что на берегу был кто-то еще. Ливень может скрыть многое, но он же оставляет и неопровержимые улики. В данном случае их просто нет — берег был пуст. Знаете, прокурор, я начинаю понемногу верить в легенды о Доме уединения.

— Господин Комон, полно вам шутить, — с горечью отозвался дворецкий. — Смерть близкой подруги, исчезновение молодого господина... Эти несчастья совсем подкосили госпожу. Вы же прекрасно знаете: в нашем мире нет места призракам, а легенда о Доме уединения — не более чем сказка.

Ли незаметно наблюдал за стариком. Кто бы ни заговаривал о легенде о Доме уединения, тот с фанатичным упорством отрицал очевидное. Теперь, когда это повторилось несколько раз, рвение слуги казалось намеренным и пугающим.

— О, конечно, — кивнул детектив. — Кстати, об исчезновении молодого господина. Разве на поиски никого не отправили? В окрестностях поместья Мофи нет ни хищников, ни опасных ущелий.

— Молодой господин Скотт всегда был не в меру любопытен, — дворецкий вздохнул, и на его изборожденном морщинами лице проступила горькая усмешка. — Он мечтал вырваться из поместья и увидеть большой мир. Но вы же знаете о его недуге... Госпожа не могла позволить ему уйти, она слишком беспокоилась. Кто бы мог подумать... Вчера госпожа уже поручила полиции и адвокату Заку приложить все силы к его поискам.

— Адвокату Заку? — Комон на мгновение задумался. — Тому самому, что вечно берется за бесплатные дела бедняков? Неужели он снизошел до частных заказов? Впрочем, до меня доходили слухи, что он отчаянно нуждается в деньгах — его жена серьезно больна.

Обменявшись парой ничего не значащих фраз, сыщик внезапно сменил тему:

— Вообще-то, в поисках людей мне нет равных. К чему госпоже искать помощи на стороне, когда специалист под боком? Если мальчик сбежал сам, он наверняка оставил зацепки в своей комнате. Могу я взглянуть?

Такая резкая перемена застала дворецкого врасплох. Поколебавшись, он покачал головой:

— Прощу прощения, господин Комон, но молодой господин терпеть не мог, когда в его отсутствие кто-то заходил в его спальню. Мы уважаем его волю. К тому же дело о его исчезновении уже передано адвокату Заку.

Сыщик окинул старика долгим, изучающим взглядом, а затем равнодушно развел руками:

— Что ж, воля ваша. Не стану переходить дорогу коллеге.

Детектив снова заговорил с садовником о защитных пакетах. Мисс Ил проявляла интерес к саду и раньше помогала сушить эти мешки — волос мог попасть внутрь еще тогда. Но, как и сказал Комон, это была лишь косвенная зацепка, не дающая ответов.

Ли осматривал пакеты один за другим, чутко ловя каждое слово в их беседе и одновременно размышляя о странном диалоге сыщика и слуги. Комон говорил сбивчиво, перескакивая с одного на другое, но Ли понимал: у того уже есть подозреваемый.

Проведя в саду всё утро, Ли остаток дня бродил по поместью, изучая его закоулки. Время летело незаметно, и вскоре наступил час ужина.

Леди Мофи снова не вышла к столу. Дворецкий в очередной раз принес извинения и сообщил гостям: выставка отменяется. Послезавтра их пригласят в мастерскую лишь для того, чтобы взглянуть на последние работы, после чего мероприятие будет официально закрыто.

Срок пребывания в поместье изменился, но Ли это не беспокоило.

После ужина гости, подавленные и утомленные, разошлись по комнатам без лишних разговоров. В доме воцарилась тишина. Ли Цзяньчуань намеренно шел последним, запоминая расположение спален остальных постояльцев.

Вернувшись к себе, он не стал ложиться, а сел в кресло и принялся изучать содержимое телефона. Когда настенные часы пробили десять, в дверь едва слышно постучали. Он мгновенно вскочил.

Однако за порогом никого не оказалось — коридор был пуст. Лишь тени от полотен на стенах дрожали на темно-красном ковре в свете потолочных светильников. Ни одна дверь не шелохнулась. Опустив взгляд, Ли заметил на полу конверт, просунутый в щель под дверь. Он быстро подобрал его и вернулся в комнату.

Письмо было написано на скорую руку небрежным почерком, содержание его тоже было кратким. Стоило Ли вскрыть конверт, как он изумленно приподнял бровь.

Короткое послание на английском гласило:

«Я знаю, мой друг, что вы тоже подозреваете молодого господина».

Ли прищурился.

«Но нам не хватает улики. Полагаю, нам стоит обменяться сведениями и помочь друг другу».

Позвольте мне признаться: я всегда до смерти боялся грозы и шума дождя. Позавчерашней ночью я не сомкнул глаз. Сидя у окна, я видел, как в комнате этого мальчика, которого все считают аутистом, настезь распахнулась рама. Он сидел на подоконнике, словно водяной дух, и вперил свои угольно-черные глаза в сторону лесной рощи. На его лице играла зловещая улыбка.

Я уверен: он прекрасно видел всё, что произошло в ту минуту на берегу реки!

Не думаю, что кто-то, кроме убийцы, мог знать всё это. Но на следующее утро мальчик исчез. У нас нет доказательств — лишь эта загадочная смерть. Впрочем, леди Мофи наверняка предпочла бы списать всё на несчастный случай или легенду о Доме уединения. В конце концов, это ее главное творение.

Это всё, что мне известно. С нетерпением жду вашего ответа, мой друг».

Ли не сомневался — письмо прислал Комон. Странно было лишь то, что сыщик выбрал столь конспиративный способ связи. Дом был велик, слуг немного — они вполне могли уединиться для беседы.

Значит, детектив действительно подозревал Скотта. Ли еще днем заметил его осторожные расспросы, но не думал, что за ними кроется столь жуткое наблюдение.

«Позавчерашняя дождливая ночь, увиденное своими глазами... Легенда о Доме уединения...»

Ли сложил письмо и спрятал в карман. Он находился в этом мире уже полдня и ночь, но тайна сценария пока казалась лишь кучей разрозненных фрагментов. В его распоряжении была смерть Ил и догадки Комона, но опыт прошлых раундов подсказывал: истина не будет лежать на поверхности.

Третья стадия будет только сложнее, и ответ не дадут на блюдечке. Ли не верил, что это письмо действительно поможет раскрыть смерть Ил, или же сама смерть Ил может и не указывать напрямую на секрет Дома уединения. В противном случае, если кто-то просто так подбрасывает улики и ответы, это было бы слишком большой удачей.

Поразмыслив, Ли решил сначала осмотреть комнату Скотта, а уже потом говорить с Комоном. Отказ дворецкого пустить сыщика в спальню мальчика выглядел подозрительно. К тому же дневник, который Система выдала всем игрокам, наверняка был важным ключом, и Ли нужно было проверить догадки.

Прокемарив пару часов, он проснулся ровно в полночь. Быстро умывшись, он переоделся в темную одежду, удобную для движений, и бесшумно выскользнул в окно. Днем Ли успел перекинуться парой фраз с прислугой и выяснил, что спальня молодого господина находится по соседству с покоями леди Мофи. Он заранее запечатлел в памяти схему дома, поэтому путь занял не более трех минут.

Ли приземлился на подоконник легко и бесшумно, точно ночной хищник. В комнате царил безмолвие, но шторы были задернуты плотно. Он вскрыл замок, проскользнул внутрь и замер.

Благодаря особому зрению Ли не нуждался в свете, но то, что он увидел, заставило волосы на затылке зашевелиться. Едва он поднял голову, как почувствовал на себе сотни взглядов.

Багровые, искаженные злобой глаза смотрели на него отовсюду. Они плотно покрывали всё пространство комнаты, их было так много, что казалось, они вот-вот поглотят человека. От такого зрелища любой, кто страдал трипобией, мог бы лишиться чувств.

«Твою мать...»

Ли Цзяньчуань потрянул головой, пытаясь унять дрожь. Он был уверен, что не ошибся дверью. Но если Скотт жил в таком месте, то о нормальности мальчика не могло быть и речи. Ли задернул шторы и принялся изучать «глаза». При ближайшем рассмотрении стало ясно: это не настоящие очи, а рисунки.

На стенах, мебели и потолке их были сотни. Одни выполнены с пугающей реалистичностью, другие — в абстрактной манере, но в каждом мазке чувствовалось нечто извращенное, мрачное и до безумия абсурдное. Ли не разбирался в искусстве, но интуиция подсказывала: в такой обстановке невозможно сохранить рассудок.

Перемещаясь по комнате, он заметил странную особенность: часть нарисованных глаз, казалось, поворачивалась вслед за ним, преследуя его своим взглядом. Однако другие оставались неподвижными, уставившись в одну точку. Ли проследил за их направлением — все они указывали на книжный шкаф.

В остальном спальня мало чем отличалась от обычной. Ли проверил гардеробную и ванную, убедившись, что это покои молодого господина, после чего вернулся к столу и шкафу. Он заметил, что здесь нет ни игрушек, ни вещей, обычных для маленького ребенка.

Зато под кроватью и в шкафу он нашел залежи компакт-дисков, стопки плакатов и небольшой проектор. Всё это было посвящено одной-единственной персоне — актеру по имени Мод.

Теперь сомнений не осталось: дневник, выданный игрокам, принадлежал маленькому Скотту. В тексте часто упоминался «Мод», и автор описывал свое поклонение этому человеку с фанатичным восторгом.

Ли Цзяньчуаня удивило другое: Мод не был кумиром молодежи или звездой боевиков. Он снимался в нишевых, крайне мрачных фильмах ужасов. С помощью телефона Ли быстро нашел информацию о его работах.

Один из фильмов назывался «Глаз кровавой луны». Сюжет повествовал о герое, запертом в старом особняке, стены которого были покрыты алыми глазами. Обстановка комнаты Скотта была практически точной копией декораций фильма. Мальчик явно был одержим своим кумиром до безумия.

А вскоре Ли наткнулся на упоминание другой ленты — «Роковой день у реки».

«Дождливой ночью женщина проходит берегом реки и слышит за шумом воды чье-то ледяное, застывшее дыхание...»

<http://bllate.org/book/15871/1560622>